

С.И. Сигеле

Преступная толпа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
С11

С11 **С.И. Сигеле**
Преступная толпа / С.И. Сигеле – М.: Книга по Требованию, 2013. – 106 с.

ISBN 978-5-518-07031-8

ISBN 978-5-518-07031-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Та же истина проявляется и в обществах, более или менее определённых, образуемых низшими существами. Будут ли эти общества представлять неопределённое скопище, будут ли они иметь известную организацию с разделением труда между отдельными членами — случай, встречающийся весьма часто — свойства их элементов имеют определяющее значение для целого. Если нам будут даны индивиды с известной структурой и с инстинктами, являющимися результатом этой структуры, то общество, из них составленное, по воле будет представлять определённые черты, и всякое общество, представляющее те же черты, не может состоять из членов, одарённых иной организацией и иными инстинктами».*

Говорить, что качества частей определяют качество целого, — значит повторять истину, хорошо применимую как к обществу, так и ко всему вообще остальному. На этой-то истине и зиждутся социологические доктрины Спенсера, считающего научной аксиомой, что главные, характерные черты человеческого общества соответствуют главнейшим чертам человека.

Таким образом он подтвердил идею О. Конта, который, резюмируя ту же мысль, сказал, что *человеческое общество должно быть рассматриваемо, как одна всегда существовавшая личность*.

Шопенгауэр в своём сочинении «Мир, как воля и представление» пришёл к тому же заключению.

«С самых отдалённых времён, — писал он, — человека всегда рассматривали, как **микрокосм**; я опровергнул это мнение и доказал, что мир — **макантроп** в том смысле, что воля и представление дают определение сущности мира так же полно, как и сущности человека».

Мнение Шопенгауэра исходит из совершенно другого принципа, чем мнения Конта и Спенсера. В самом деле, философия Шопенгауэра априористична, хотя в ней и есть прекрасные места, продиктованные позитивным методом; но при всём том она представляет из себя только теорию; между тем взгляды Спенсера и Конта основаны на наблюдении и опыте. Итак, хотя исходные их точки и различны, но цель достигнута одна и та же. Шопенгауэр утверждает, что мир

* Г. Спенсер. Введение в изучение социологии, гл. III.

не что иное, как *макантрон*, и этим одним словом выражает ту же мысль, что Спенсер и Конт.

Оставив на время вопрос об аналогии между человеком и человеческим, обществом, — аналогии, доходящей до того, что общество представляют в виде настоящего организма, возможно ли отвергать, что во всяком обществе находятся известные явления, представляющие прямой результат явлений, свойственных членам названного общества; что — другими словами — агрегат представляет ряд свойств, определяемых свойствами его составных частей? Достаточно задать себе вопрос, что произошло бы, если бы человек оказывал предпочтение тому, кто делает ему зло, — и всякий поймёт, что социальные отношения были бы тогда совершенно противоположны нынешним отношениям, которые все основаны на присущей человеку склонности предпочитать тех, кто оказывает ему больше удовольствия. Достаточно спросить себя, что случилось бы, если бы, вместо выискивания самых лёгких средств для достижения своих целей, люди стали искать средств самых трудных, — и всякому станет ясно, что общество, обладающее такими свойствами, не было бы ни в чём сходно с теми, какие нам известны.

Эта аналогия в строении, а следовательно и в функциях, являющаяся вполне очевидной и неоспоримой, при сравнении человека с обществом, проявляется ещё не только в главных свойствах, но даже и в некоторых незначительных чертах между индивидами, принадлежащими к определённом классу, и этим классом, рассматриваемым, как коллективная единица.

Мы знаем, что общество не есть однородное, одинаковое во всех своих частях целое, — конгломерат почвенных отложений, *медленно образовавшийся из остатков бесконечного ряда существ*, что оно — организм, который, подобно телу животного, имеет ткани, различающиеся по структуре и чувствительности. Эти ткани, отложения или социальные группы, образовавшиеся понемногу в продолжении известного времени, вследствие постоянного и прогрессивного перехода от простого к сложному, от однородного к разнородному — в чём и состоит закон эволюции — эти ткани, подобно различным животным и растительным тканям, имеют органические и техниче-

ские черты, свойственные каждой из них и воспроизводящие специальные свойства составляющих их индивидов.

Самое простое наблюдение доказывает нам это весьма ясно. Если мы бросим взгляд на историю, то увидим, что отделение победителей от побеждённых, хозяев от рабов, знатных от плебеев — не было простым политическим и экономическим разделением, но что оно создавало совершенно различные миры. Воспитание, язык, привычки, одежда, образ жизни — всё имело специфический характер, определяемый очень строгими обычаями и записанными даже традиционными правилами, уклоняться от которых считалось невозможным.

Кому неизвестно, что аристократия (по таланту ли, денежная, или родовая), магистратура, духовенство, военные, простой народ — все вообще социальные классы (воспроизводящие в наше время древние касты, с тем только различием, что у древних принадлежность к известной касте определялась рождением, у нас же она определяется свободным выбором или же избранием) представляют не только характер человека вообще, но и отличительные черты аристократа, судьи, священника или солдата в частности? Кто не знает, что привычки, идеи, чувствования, стремления, все, одним словом, функции, свойственные каждому из этих классов, очень резко отличают их один от другого?

Итак, аксиома — что характер агрегата зависит от характера единиц, его составляющих, — должна применяться не только к коллективному организму общества, но и к отдельным организмам, его составляющим.

Иначе не может и быть, так как если на человеческом обществе, представляющем из себя только частицу Вселенной, или вернее, частный случай всеобщей эволюции, подтверждаются все естественные законы, управляющие органическим миром, — то тем более главные социальные законы должны распространяться и на те организмы, из которых оно состоит. Это — по удачному замечанию Энрико Ферри — похоже на тот случай, когда минералогические свойства кристалла воспроизводятся самым типичным образом в его осколках.

Рассматриваемая с этой точки зрения, социология в своих главных чертах представляет точное воспроизведение психологии, — воспроизведение, правда, несравненно более сложное и обширное. Психология изучает человека, социология занимается социальным телом; мы знаем, что характерные черты одного могут быть объяснены только свойствами другого: вот почему функции социального организма аналогичны функциям человеческого организма.

Социальная индивидуальность — сказал Эспинас — параллельна человеческой индивидуальности; социология таким образом не что иное, как психология en grand, в которой, распространяясь и усложняясь, отражаются главные законы индивидуальной психологии; она — по прекрасному выражению Тарда — есть «солнечный микроскоп психологии».

II.

Но как далеко идёт эта аналогия между характером агрегата и характером единиц, его составляющих? Всегда ли постоянно отношение между психологическими законами, управляющими индивидом и управляющими группой индивидов? Всегда ли справедливо, что собрание нескольких лиц отличается определённым характером, равным сумме характеров всех лиц? Одним словом, неужели никогда не может быть исключения из вышеприведённого принципа?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я приведу несколько общеизвестных психологических явлений: они помогут нам найти ответ, или вернее, сами будут служить ответом.

Всякий слышал о тех ошибках, которые нередко делают присяжные. Иногда это происходит от индивидуальной неспособности или от трудности тех вопросов, которые им приходится решать; но подчас совершенно нелепое и неподходящее решение (и притом вопросов, требующих для решения только капли здравого смысла) даётся и образованными людьми.

Мне, например, пришлось быть очевидцем того, как были оправданы трое молодых людей, добровольно сознавших в нанесении самых низких оскорблений одной бедной девушке, — негодяи мучи-

ли её, прикладывая к нежным частям тела негашёную известь и причиняя ей, таким образом, весьма сильные ожоги. Разве, по вашему мнению, каждый из присяжных оправдал бы сам таких преступников? Я позволяю себе сомневаться в этом.

Гарофало рассказывает об опыте, произведённом над шестью известными врачами, между которыми были и знаменитые профессора: всех их попросили дать приговор относительно человека, обвиняемого в краже. Несмотря на ясные улики, они признали его невиновным и только потом смекнули свою ошибку.

Суд присяжных в Готвене оправдал недавно трёх крестьян: отца, Жана Пузи, его жену и сына, обвиняемых в убийстве давно у них служившего бедного мальчика, который был ими замучен «en famille» с неслыханной жестокостью. Подробности убийства ужасны. Когда жертва задохлась под тяжестью Жана, последний, оскалась, замечает: «Пожалуй, он уже мёртв!» «А может быть и нет», — отвечает жена и для большей уверенности разбивает мальчику череп двумя ударами своей тяжёлой палки. — «Ну уж теперь-то, — говорит супруг, — я уверен, что он готов! Хорошего, нечего сказать, удалось нам поймать кролика!»

Кто бы мог подумать, что гнусное преступление этой семьи, остервенившейся на беззащитного ребёнка, будет оправдано присяжными?

Но что же однако доказывают все эти факты и множество им подобных, которые каждый мог наблюдать лично? Они доказывают только, что двенадцать здравомыслящих и здоровых людей могут выдать решение, совершенно бестолковое и бессмысленное. Собрание индивидов может таким образом дать в результате нечто совершенно обратное тому, что было бы дано каждым отдельным индивидом.

Подобное же явление происходит в заседаниях многочисленных комиссий — художественных, научных и промышленных — составляющих одну из самых печальных язв современной административной системы.

Часто случается, что их решения изумляют и поражают общество своей странностью. Каким образом, спрашивается, люди, подобные тем, которые вошли в комиссию, могли дать такое заключение? Каким

образом, могло случиться, чтобы десять или двадцать человек науки, десять или двадцать художников, соединившись, дали заключение, основанное не на принципах науки, не на принципах искусства?

Аристид Габелли, известный итальянский писатель, которого, к несчастью, Италия недавно потеряла, попытался анализировать причины этого явления.

«Говорят, — писал он, — что комиссии, советы, одним словом, все учреждения, пользующиеся властью сообща, представляют из себя гарантию против преступлений. Посмотрим, представляют ли они из себя эту выгоду. В самом деле, мы даём такого рода власть с тем, чтобы извлечь себе из этого выгоду. Если же от даваемых нами полномочий нельзя получить требуемой пользы, то лишнее и давать их. Вот такого рода гарантию и представляет численность, благодаря партийному духу, благодаря тем раздорам, которые рождает корысть, — вследствие различия в мнениях и прихотях, вследствие того наконец, что один хочет того, чего не угодно другому; что один болен, а другой путешествует etc. Часто все дело с большой потерей времени должно быть отложено, так как, раз трудно найти во всех талант, то ещё труднее найти в них решительность и стойкость. Сверх того, не чувствуя за собой ответственности, каждый старается уклониться от решения вопроса; далее, тот, кто имеет полномочия и не пользуется ими, служит помехой тому, который желает пустить их в ход; наконец, **человеческие силы, будучи соединены, не складываются, а уничтожаются.** Последнее до такой степени верно, что часто посредственный результат бывает плодом собрания таких людей, из которых каждый сумел бы решить тот же вопрос гораздо лучше. «Люди, — говорит Габелли, — не представляют из себя лошадей, впряжённых в карету и тянущих её вместе: они скорее свободные лошади, бегущие и обгоняющие друг друга».*

* А. Габелли. «Образование в Италии». В той же книге Габелли применяет к частному случаю те общие идеи, который я высказал выше. «При избрании ректора — пишет он, говоря об университетах — случается подчас, как и при всяком другом избрании, довольно странная на первый взгляд вещь, которая однако не так трудно объяснима, как кажется. На некоторых выборах случается нередко, что большинство голосов получает лицо, которое каждый избиратель считает ниже себя, хотя, подавая за него голос, он ставит его выше себя. То же происходит и при выборе ректора».

Эта-то мысль — что человеческие силы, будучи соединены, не складываются, а скорее уничтожаются — высказанная Габелли только в нескольких словах и весьма, по-моему, глубокая и верная, была широко развита Максом Нордау, человеком науки, заслуживающим, как я думаю, гораздо большей известности:

«Соедините 20 или 30 Гёте, Кантов, Гельмгольцев, Ньютонов etc., — писал он, — и дайте им на обсуждение практические, современные вопросы; их споры будут, пожалуй, отличны от тех споров, которые ведутся на первых попавшихся собраниях (хотя я не утверждаю даже и этого), но что касается результатов этих споров, то я уверен, что они не будут отличаться от результатов, даваемых всяким другим собранием. Почему же? Потому, что каждое из 20 или 30 выбранных лиц, кроме личной оригинальности, отличающей его от других, обладает и наследственными, видовыми признаками, не отличающими его не только от его соседа по собранию, но даже и от всех снующих по улице прохожих. Можно сказать, что все люди в нормальном состоянии обладают известными признаками, являющимися общими для всех, равными, положим, x , это количество увеличивается в вышеозначенных индивидах на другую величину, различную у различных индивидов, которая поэтому должна быть для каждого из них названа иначе, например, a , b , c , d и пр. Предположив это, мы получим, что в собрании из 20 человек, хотя бы самых высоких гениев, будет $20x$ и только $1a$, $1b$, $1c$ и т. д. Ясно, что $20x$ неизбежно победят отдельные a , b , c , т. е., что человеческая сущность победит личную индивидуальность, и что колпак рабочего совершенно покроем собою шляпу медика и философа».*

На основании этих слов, которые, по моему мнению, представляют скорее очевидную аксиому, чем опытное доказательство, легко понять, почему не только суд присяжных и комиссий, но и политические собрания приводят в исполнение акты, самым резким образом противоречащие взглядам и тенденциям составляющих это собрание членов. Чтобы убедиться в этом, достаточно в приведённом Нордау примере вместо 20 подставить 100 или 200. Общественный

* М. Нордау, «В поисках за истиной», гл. III. Мы далее ещё вернёмся к этому остроумному объяснению, имеющему весьма важную биологическую подкладку.

здравый смысл наконец сделал то же наблюдение, взятое нами у немецкого философа. Древняя поговорка гласила: *Senatores boni viri, senatus autem mala bestia* (Сенаторы — почтенные мужи, сенат же — плохая скотина). И в наше время народ повторяет и подтверждает это наблюдение, говоря относительно известных социальных групп, что лица, их составляющие, — честные люди, если их рассматривать поодиночке, взятые же вместе — плуты.

Если мы от этих собраний, в которых по меньшей мере замечается известный подбор индивидов, перейдем к собраниям другого рода, образованным случайно, каковы: слушатели, присутствующие на какой-либо лекции, зрители в театре, народ в тех неожиданных скопищах, которые образуются на площадях, публичных местах и т. п., то мы увидим, что явление, нас занимающее, проявляется в более резком виде и здесь. Эти собрания людей уже вовсе не воспроизводят психологических черт тех индивидов, из которых состоят; это известно всякому и доказывать это бесполезно.

Не может быть таким образом и сомнения в том, что очень часто, вопреки логике, результат, данный совокупностью нескольких людей, не равен тому, который должен бы получиться от сложения способностей всех собравшихся лиц. Другими словами, не может быть сомнения в том, что очень часто принцип Спенсера оказывается весьма несостоятельным, — принцип, гласящий, что характер агрегата определяется характером единиц, его составляющих. Ферри предчувствовал эту истину, говоря:

«Совокупность нескольких способных людей не всегда служит гарантией их общей способности: собрание здравомыслящих людей может быть лишённым единодушия, как в химии от соединения двух газов может получиться жидкость».

Вот почему он заметил, что между психологией, изучающей индивида, и социологией, имеющей целью целое общество, есть место для особой части науки, которую можно назвать *коллективной психологией*. Эта последняя должна заниматься исключительно такими совокупностями индивидов, каковы например суд присяжных, собрания, съезды, театры и пр., которые не подчиняются ни законам индивидуальной психологии, ни социологическим законам.

Интересно однако знать — независимо от того, что выяснил Нордау — почему эти собрания людей дают результат, подрывающий аксиому Спенсера? Причин этому много, так как вообще причины всякого явления всегда многочисленны; но в данном случае их можно свести к двум главным, именно: собрания эти *неоднородны* и, так сказать, *неорганические*.

Очевидно, — нет потому и необходимости обращать на это внимание, — что аналогия между агрегатом и составляющими его единицами возможна только тогда, когда эти единицы равны или, выражаясь точнее, весьма между собою схожи. Соединение единиц, которые отличны друг от друга, не только не даст агрегата, воспроизводящего разнообразные черты его единиц, но даже и совсем не может дать какого бы то ни было агрегата. Человек, лошадь, рыба и насекомое не могут образовать друг с другом никакого агрегата.

Здесь мы видим подтверждение встречающегося в арифметике правила, по которому для сложения нескольких слагаемых необходимо, чтобы они были однородны. Нельзя складывать фунты со ступьями или монеты с животными. Если бы мы во что бы то ни стало желали сложить такие величины, то получилось бы число, не имеющее ровно никакого смысла.

Если же аналогия между характером единиц и характером их агрегата возможна только тогда, когда эти единицы имеют, по меньшей мере, хотя бы некоторую степень сходства (как например, люди), то легко вывести логическое заключение, что аналогия эта будет увеличиваться или уменьшаться с увеличением или уменьшением сходства между составляющими агрегат единицами.

Всемирное собрание не может, очевидно, отражать в общем различные характеры индивидов, его составляющих, с той же степенью точности, с какой собрание, состоящее исключительно из итальянцев или немцев, будет отражать особенность итальянского или немецкого характера. То же можно сказать относительно суда присяжных (сопоставляя его например с собранием экспертов), где слепой случай рядом с бакалейным торговцем поместил человека науки; — относительно театра, где находятся лица всевозможных состояний и степеней культуры; — относительно всех вообще многочисленных

и разнообразных сборищ, противопоставляя им собрания лиц известного класса или известного положения. Разнородность психологических элементов (идей, интересов, вкусов, привычек) делает в первом случае невозможным сходство в характере между агрегатами и их составными единицами, что возможно во втором случае, благодаря однородности психологических элементов.

Однако недостаточно одного только сходства между единицами, чтобы получить аналогию в характере между ними и составленным из них агрегатом; необходимо, чтобы эти единицы находились между собою в постоянной и органической связи.

Спенсер в примере, цитированном в начале этого сочинения, привёл в виде доказательства того, что свойства составных частей определяют свойства целого, тот случай, когда из твёрдых, хорошо обожжённых, правильных прямоугольных кирпичей можно без извёстки построить довольно высокую стену, между тем как невозможно достичь того же, если камни будут неправильны.

Легко понять, что возможность выстроить стену не зависит в первом случае только от того, что мы будем пользоваться правильными кирпичами, вместо неправильных камней. Стена зависит ещё и от того, что кирпичи эти мы будем класть в известном порядке, один на другом или один перед другим, т. е. что они будут прочно соединены между собою. Ясно на самом деле, что смешай я эти же самые кирпичи без всякого порядка, кое-как, и агрегат, мною полученный, будет очень мало (или даже совсем не будет) разниться от того, какой бы я мог получить, смешивая камни, различные как по форме, так и по величине.

Перенеся это наблюдение на социологическую почву, мы сделаем тот вывод, что случайные, неорганические соединения людей, каковы: суд присяжных, театральные зрители, толпа, не могут, при проявлении своего характера, воспроизвести характер составных единиц, точно так же, как неопределённая и беспорядочная куча определённого вида кирпичей не может дать прямоугольной формы каждого отдельного кирпича.

Как в последнем случае необходимо *правильное расположение* всех кирпичей, чтобы выстроить стену, так в первом случае, чтобы агрегат